

Сценой я бредил с детских лет. Ещё сидя на горшке, я уже пытался что-то изображать, произносить (хоть и нечленораздельно) какие-то речи. Любое выступление в школе или в клубе для меня всегда было праздником. Рос я мечтой о большой сцене, довольствуясь малым. И когда после окончания школы меня пригласили заведовать Тюльковской избой-читальней, я был на вершине блаженства. «Вот уж где я развернусь», — думал я. Завотделом культуры Таисья Шашкова, симпатичная молодая женщина, тепло напутствовала меня: «Они там ничего не видят, весели их почаще!»

Родственники меня тоже благословили, и одним летним днём я на дряхленьком велосипеде лесной тропкой прибыл, как некогда писал Пушкин, «к месту своего назначения».

Деревня Тюльковка в одну улицу встретила меня приветливо. Улыбалось всю июньское солнце, зеленела трава, а гуси дружески гоготали, будто говорили наперебой: «Рады, рады, мы тебя ждём!» Из взрослых в деревне — никого, одни чумазые дети, с любопытством разглядывающие не столько меня, сколько мой дряхлый драндулет.

Председатель сельсовета, слегка подвыпивший, в замызанной фуфайке (будучи одиноким, спал в сельсовете) невнятно произнёс: «Пойдём, дружище, устрою тебя у дедки с бабкой, что живут в крайнем доме». «Вот вам постоялец, принимайте!» — сказал он и ушёл. «Опять пьяный, — вздохнула бабка, — и так каждый день!»

Фамилию того председателя я не помню, не помню, как звали и дедку с бабкой, но дух деревни остался в памяти.

У дедки с бабкой я помылся в баньке, переночевал, но надолго у гостеприимных хозяев не задержался — уже на третий день я поселился в избе-читальне, стареньком деревянном домишке, в котором располагались и небольшая сцена с грязнущими занавесками, и засаленные скамейки, и с десятка три стареньких книг, скромно уютившихся на шатающемся столе. Всё это повергло меня в уныние, и

я сразу же заскучал по родному Рождественску. «И зачем я только согласился?» — пришла мысль, но отступать уже было поздно.

Свою культурную деятельность я начал с того, что принялся разносить книги. Читающих домов оказалось в деревне совсем ничего! Только семейство Ванюшкиных (представителей этой фамилии было много тогда в районе, жили они и в Тюльковке) да молодые парни-литовцы, работающие в лесу на сборе живицы, пожелали приобщиться к чтиву, а больше охотников не нашлось. Но вот маленькая красивая девочка Аня Ванюшкина приходила ко мне за сказками часто. «Дядя Юра, мне про царевну-лягушку дайте!» Позднее, в Казачинском, когда я уже стал профессиональным режиссёром, она прекрасно сыграла молодую партизанку в спектакле «Мария» в нашем театре.

Питался я более чем скромно: хлеб, конфеты, которые я покупал в местном магазинчике, и вода, её-то было вдоволь. Как всегда, много читал. В основном Тургенева, которого очень любил, особенно его повести о любви.

А спал я прямо в одежде на скамеечке, на охапке книжек под головой вместо подушки. Спал я напротив окна, а за окном располагалось местное кладбище. Жутко становится, когда вспоминаешь об этом, на ум приходят страшные рассказы Эдгара По о покойниках и заживо похороненных. Засыпал я, несмотря на молодость, тяжело. Да и кто бы на моём месте спал спокойно? За окном лунная ночь, тишина, нарушаемая изредка сонным лаем проснувшейся деревенской собаки, откроешь глаза, — а в свете луны чётко выделяются деревянные кресты. Я даже боялся выходить до ветру, так и мерещились покойники и всякая чертовщина, хотя днём я был вполне современным молодым человеком, комсомольцем, не верящим в потустороннюю, загробную жизнь...

Но искусство требовало жертв, и уже в одну из суббот я дал для населения концерт. Репертуар к тому времени у меня уже был немаленький: шуточные и лирические песни под «тра-ля-ля», декламация и частушки. Использовал я, конечно, прежние свои, рождественские, заготовки, но

они были подходящие и для такой маленькой деревни, как Тюльковка: жизнь у нас в те годы была одинакова во всех деревнях, и больших, и малых.

Небольшой зал избы-читальни был переполнен, зрители были в восторге. «Надо же, — судачили старики, — один целый вечер выступал и ни разу не запнулся! Какá память!» Это сильно подбодрило меня. На время перестал я скучать о доме и о своей любимой, а через неделю мне

Заведующий клубом Ю. Варыгин

удалось собрать небольшой коллектив в семь человек. Пришла ко мне, помню, Дуся Шатунова (по мужу — Галкина) с подружками. Концерт мы с ними подготовили быстро. Девушки с чувством исполнили русскую народную песню «Отец мой был природный пахарь». И когда дошло до слов: «Горит село, горит родное...» — у некоторых в зале даже появились слёзы. Но после этой песни на сцену выскакивал я с частушками и, пританцовывая, подмигивая, начинал петь залихватским голосом: «Выхожу и начинаю потихонечку дробить. Настроение такое — у кого-нибудь отбить».

«Ну и юморист!» — кричали из зала.

Парень-литовец хорошо сыграл на мандолине, и его деревенские приняли с восторгом. А вот с нашей сценкой, которую мы тоже подготовили для концерта, вышла целая комедия, не запланированная сценарием. Подобное в моей театральной практике, кстати, случалось не раз: в пятидесятые годы деревенские зрители не были ещё избалованы телевидением, да и на сцене своих клубов они привыкли чаще видеть какой-нибудь президиум собрания или представителей власти, а потому иногда воспринимали театральное действие за реальную жизнь и соответственно реагировали. Так вот, в нашей сценке «Молодость» рассказывалось о том, как сходилась и расходилась одна супружеская пара. «Ты такая!.. — Ты сякой!» — кричали молодожёны друг на друга. Зрители весело смеялись над абсурдной ситуацией, но бабке, у которой я должен был стоять «на фатере», это не понравилось, и она зло закричала из зала: «Дуська, сходишь! Не смейши людей, мужики на дороге не валяются!» Ситуацию с разводом она приняла всерьёз, чем ещё больше насмешила публику. «А ты больше на посмешище людей не выставляй, — сказала она мне после, — пускай в своей избе разбираются!»

Отработал я в Тюльковке около месяца. Вечерами вместе с немногочисленной молодёжью деревни гонял в футбол на заросшей травой улице, разносил по домам книги; мы репетировали, готовили новый концерт. В деревне стал я, наконец, совсем своим человеком. «Понравился ты нам, Юрка, — говорила мне та же бабка, — живи у нас, ничего

за постой брать не буду». Но куда там! Затосковал я по родному селу сильно. Да и на лавке надоело валяться каждую ночь, по утрам болели кости: деревянная лавка — это не домашняя перина. А на квартиру я не хотел, с детства предпочитал одиночество. Говорят, это свойственно всем творческим людям.

С трудом собрал я розданные книги и не без грусти покинул гостеприимную таёжную деревню. Уезжал я на своём старом велосипеде, меня провожали участники художественной самодеятельности (за месяц мы уже привыкли друг к другу), плачущая Аннушка и гуси. А бабка дружелюбно кричала мне из окна: «Не забывай!»

А я и не забыл. Деревня и её люди и сейчас у меня перед глазами. Хотя Тюльковки давным-давно нет уже на карте района, люди давно разъехались кто куда, многих уже и на земле нет, а я помню. Не было в деревне ни электричества, ни радио, но жизнь была, люди работали с утра до ночи, а когда выпадал случай — веселились искренне, от души. И я рад, что хоть и немного, но помог им в этом. И они мне помогли — в окончательном выборе жизненного пути. Спасибо им за это! На дворе 2022 год, а я, как прежде, живу культурой, живу искусством.